

81764

ПОСЛѢДНЯЯ ГЛАВА

ЕВГЕНІЯ

ОНЪГИНА.

VII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1832.

К 1911 С

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

7191C

81769

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

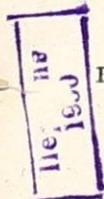
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1832.

Деп. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

18863

90728

ВЪСТАНІЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЕ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ
три экземпляра. Санктпетербургъ, Ноября
16 дня, 1831 года.

Ценсоръ Н. Бутырскій.

1831

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪСТАНІЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЕ

1831

ВЪСТАНІЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ гнетосердежно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ которой описано было путешествіе Онегина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу тогками или цифромъ; но во избѣжаніе соблазна рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осмой надъ послѣдней главою *Евгенія Онегина*, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя просить ;
Я девять пѣсень написалъ ;
На берегъ радостный выносить
Мою ладью девятый валь —
Хвала вамъ , девяти Каменамъ и прог.

СПб. 1877

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.

BYRON.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣтала,
Чисала охотно Апулея,
А Цицерона не чисала,
Въ тѣ дни, въ шайншвенныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ пишинѣ,
Являшся Муза спала мнѣ.

Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: Муза въ ней
Открыла пирь молодыхъ зашѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей сшарины,
И сердца шрепешные сны.

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣшилъ;
Успѣхъ насъ первой окрылилъ;
Сшарикъ Державинъ насъ замѣшилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
 Спращасей единый произволь,
 Съ шолпою чувства раздѣляя,
 Я Музу рѣвую привѣль
 На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
 Грозы полуночныхъ дозоровъ:
 И къ нимъ въ безумные пиры
 Она несла свои дары,
 И какъ Вакханочка рѣвилась,
 За чашей пѣла для гостей,
 И молодежь минувшихъ дней
 За нею буйно волочилась —
 А я гордился межъ друзей
 Подругой въшреной моей.

IV.

Но я опсталь отъ ихъ союза
 И вдаль бѣжалъ... она за мной.

Какъ часто ласковая Муза
Мнѣ услаждала пущь нѣмой
Волшебствомъ пайнаго разказа!
Какъ часто, по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мгль ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопощь Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнь Ошцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальней
И блескъ и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной

Она смиренныя шаптры
Племень бродящихъ посьщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, спранныхъ языковъ,
Для пѣсень спешн ей любезной...
Вдругъ изменилось все кругомъ:
И вошь она въ саду моёмъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ Французской книжкой въ рукахъ.

VI.

И нынѣ Музу я впервые
На свѣтской раушѣ привожу;
На прелести ея спешныя
Съ ревнивой робостью гляжу.

Сквозь рядъ напыщенныхъ магнашовъ ,
 Военныхъ франшовъ , дипломашовъ
 И гордыхъ дамъ она скользипь ;
 Вошь съла шихо и глядишь ,
 Любуясь шумной пѣснопою ,
 Мельканьемъ плашьевъ и рѣчей ,
 Явленьемъ медленнымъ госпей
 Передъ хозяйкой молодою ,
 И шемной рамою мушинь
 Вкругъ дамъ какъ около каршинь .

VII.

Ей нравится порядокъ спройной
 Олигархическихъ бесѣдъ ,
 И холодъ гордосши спокойной ,
 И эша смѣсь чиновъ и лѣшъ .
 Но эшо кпо въ толпѣ избранной

Споишь безмолвный и шуманной?
 Для всѣхъ онъ кажешся чужимъ.
 Мелькаюшь лица передь нимъ,
 Какъ рядъ докучныхъ привидѣній.
 Чшо, сплинъ иль спраждущая спѣсь
 Въ его лицъ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
 Кто онъ шаковъ? Ужель Евгеній?
 Ужели онъ?... Такъ, точно онъ.
 — Давно ли къ намъ онъ занесѣнъ?

VIII.

Все пошь же ль онъ, иль усмирися?
 Иль корчишь шакъ же чудака?
 Скажише, чѣмъ онъ возврапиля?
 Чшо намъ предсшавишь онъ пока?
 Чѣмъ нынѣ явишя? Мельмопомъ,
 Космополипомъ, папріопомъ,

Гарольдомъ, квакеромъ, ханжѣй,
 Иль маской щегольнеть иной,
 Иль просто будешь добрый малой,
 Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣшь?
 По крайней мѣрѣ мой совѣшь:
 Ошешашь ошь моды обвешшалай.
 Довольно онь морочиль свѣшь...
 — Знакомъ онь вамъ? — И да и нѣшь.

IX.

— Зачѣмъ же шакъ неблагоклонно
 Вы ошзываетесь о немъ?
 За шоль, чшо мы неугомонно
 Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
 Чшо пылкихъ душъ неосшорожность
 Самолюбивую ничшожность
 Иль оскорбляетъ иль смѣшишь,

Чшо умь, любя проспорь, пѣснить,
 Чшо слишкомъ часно разговоры
 Приняшь мы рады за дѣла,
 Чшо глупость въшрена и зла,
 Чшо важнымъ людямъ важны вздоры,
 И чшо посредственность одна
 Намъ по плечу и не странна?

X.

Блажень, кто смолоду былъ молодь,
 Блажень, кто вовремя созрѣль,
 Кто поспешенно жизни холодъ
 Съ лѣшами вышерпѣшь умѣль,
 Кто страннымъ снамъ не предавался,
 Кто черни свѣшской не чуждался,
 Кто въ двадцашь лѣшь былъ франшь иль хватъ,
 А въ шридцашь выгодно женашь;

Кшо въ пѣздесѣть освободился
Ошь частныхъ и другихъ долговъ,
Кшо славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ швердили цѣлый вѣкъ:
Н. Н. прекрасный человекъ.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Исплѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣшь предъ собою

Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
 Глядѣшь на жизнь, какъ на обрядъ,
 И вслѣдъ за чинною полною
 Ишши, не раздѣля съ ней
 Ни общихъ мнѣній, ни спрасшей.

XII.

Предметомъ спавъ сужденій шумныхъ,
 Несносно (согласишесь въ помъ)
 Между людей благоразумныхъ
 Прослышь пришворнымъ чудакомъ,
 Или печальнымъ сумасбродомъ,
 Иль сашаническимъ уродомъ,
 Иль даже Демономъ моимъ.
 Онѣгинь (вновь займуся имъ),
 Убивъ на поединкѣ друга,
 Доживъ безъ цѣли, безъ шрудовъ

До двадцати шести годовъ,
 Томясь въ бездѣйствіи досуга
 Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
 Ничѣмъ занялся не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
 Охота къ переменѣ мѣсць
 (Весьма мучительное свойство,
 Немногихъ добровольный кресць).
 Оставилъ онъ свое селенье,
 Лѣсовъ и нивъ уединенье,
 Гдѣ окровавленная пѣнь
 Ему являлась каждый день,
 И началъ странствія безъ цѣли,
 Дослупный чувству одному;
 И пушешествія ему,

Какъ все на свѣшѣ, надобли;
 Онъ возврашлся и попалъ,
 Какъ Чацкій, съ корабля на баль.

XIV.

Но вопшь толпа заколебалась,
 По залѣ шопощь пробѣжалъ...
 Къ хозяйкѣ дама приближалась,
 За нею важный генераль.
 Она была не шороплива,
 Не холодна, не говорлива,
 Безъ взора наглаго для всѣхъ,
 Безъ припязаній на успѣхъ,
 Безъ эшихъ маленькихъ ужимокъ,
 Безъ подражательныхъ зашѣй...
 Все шихо, просто было въ ней.
 Она казалась вѣрный снимокъ

Du comme il faut *** , проси :
 Не знаю какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе ;
 Спарушки улыбались ей ;
 Мушны кланялися ниже ,
 Ловили взоръ ея очей ;
 Дъвицы проходили пише
 Предъ ней по залъ : и всѣхъ выше
 И носъ и плеча подымалъ
 Вошедшій съ нею генераль .
 Никшо бь не могъ ее прекрасной
 Назвать ; но съ головы до ногъ
 Никшо бы въ ней найши не могъ
 Того , что модой самовласной
 Въ высококъ Лондонскомъ кругу
 Зовешся *vulgar* . Не могу...

XVI.

Люблю я очень эшо слово,
 Но не могу перевести;
 Оно у насъ покамѣсть ново
 И врядъ ли бытъ ему въ чести.
 Оно бь годилось въ эпиграммѣ.
 Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
 Безпечной прелесью мила,
 Она сидѣла у спола
 Съ блестящей Ниной Воронскою,
 Сей Клеопатрою Невы:
 И вѣрно бь согласились вы,
 Чшо Нина мраморной красою
 Зашмишь сосѣдку не могла,
 Хоть ослѣпительна была.

XVII.

« Ужели, думаетъ Евгеній,
 « Ужель она? Но шочно... Нѣшь... »

« Какъ! изъ глуши степныхъ селеній... »
 И неопвязчивый лорнешь
 Онъ обращаетъ поминушно
 На пу, чей видъ напомнилъ смушно
 Ему забышья чершы.

« Скажи мнѣ, Князь, не знаешь шы,
 « Кпо шамъ въ малиновомъ беретѣ
 « Съ посломъ Испанскимъ говоришь? »
 Князь на Онѣгина глядишь.

— Ага! давно жъ шы не былъ въ свѣтѣ.
 Поспой, себя представлю я. —
 « Да кпожь она? » — Жена моя. —

XVIII.

« Такъ шы женать! не зналъ я ранѣ!
 Давно ли? » — Около двухъ лѣтъ. —
 « На комъ? » — На Лариной. — « Ташьянѣ! »

— Ты ей знакомъ? — « Я имь сосѣдь. »
 — О, шакъ пойдѣмъ-же. Князь подходитъ
 Къ своей женѣ и ей подводитъ
 Родню и друга своего.
 Княгиня смотришь на него...
 И что ей душу ни смушило,
 Какъ сильно ни была она
 Удивлена, поражена,
 Но ей ничто не измѣнило:
 Въ ней сохранился пошъ же пошъ,
 Быль шакъ же шихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей, ей! не шо, чшобъ содрогнулась,
 Иль спала вдругъ блѣдна, красна...
 У ней и бровь не шевельнулась;
 Не сжала даже губъ она.

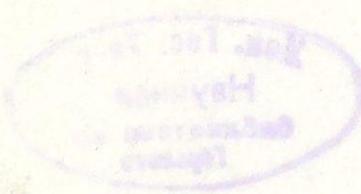
18863.

Хошь онъ глядѣль нельзя прилѣжнѣй,
 Но и слѣдовъ Ташьяны прежней
 Не могъ Онѣгинь обрести.
 Съ ней рѣчь хошьль онъ завести
 И — и не могъ. Она спросила,
 Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ
 И не изъ ихъ ли ужь споронь?
 Пошомъ къ супругу обратила
 Успалый взглядъ; скользнула вонъ...
 И недвижимъ осшался онъ.

XX.

Ужель ша самая Ташьяна,
 Кошорой онъ наединѣ,
 Въ началъ нашего романа,
 Въ глухой, далекой споронь,
 Въ благомъ пылу правоученья,

18883

Чисаль когда-шо насшавленья;
 Та, опъ копорой онъ хранишь
 Письмо, гдѣ сердце говоришь,
 Гдѣ все наружъ, все наволь,
 Та дѣвочка... иль эшо сонъ?...
 Та дѣвочка, копорой онъ
 Пренебрегаль въ смиренной долѣ,
 Ужели съ нимъ сей часъ была
 Такъ равнодушна, шакъ смѣла?

XXI.

Онъ оставяешь раушь тѣсный,
 Домой задумчивъ ѣдетъ онъ;
 Мечшой по грушной, по прелестной
 Его вспревожень поздній сонъ.
 Проснулся онъ; ему приносяшь
 Письмо: Князь N покорно просишь

Его на вечерь. «Боже! къ ней!...
 О буду, буду!» и скорѣй
 Мараешъ онъ ошвѣпъ учпивый.
 Чшо съ нимъ? въ какомъ онъ спранномъ снѣ!
 Чшо шевельнулось въ глубинѣ
 Души холодной и лѣнливой?
 Досада? суешность? иль вновь
 Забота юности, любовь?

XXII.

Онѣгинъ вновь часы счищаетъ,
 Вновь не дождешия дню конца.
 Но десять бѣеши; онъ выѣзжаетъ,
 Онъ полешѣль, онъ у крыльца,
 Онъ съ шрепешомъ къ Книгинѣ входитъ;
 Ташьяну онъ одну находитъ
 И вмѣстѣ нѣсколько минушь

Они сядяшь. Слова нейдушь
 Изъ усть Онъгина. Угрюмой,
 Неловкій, онъ едва, едва
 Ей опшвѣчаешь. Голова
 Его полна упрямой думой.
 Упрямо смотришь онъ: она
 Сидишь покойна и вольна.

XXIII.

Приходишь мужь. Онъ прерываешь
 Сей непрятный tête à tête;
 Съ Онъгинымъ онъ воспоминаешь
 Проказы, шупки прежнихъ лѣтъ.
 Они смѣются. Входяшь госпи.
 Вошь крупной солью свѣтской злоспи
 Спаль оживляешь разговоръ;
 Предъ хозяйкой легкой вздоръ

Сверкаль безъ глупаго жеманства,
 И прерываль его межъ шѣмь
 Разумный шолкъ безъ пошлыхъ шемь,
 Безъ вѣчныхъ испинь, безъ педанства,
 И не пугаль ни чьихъ ушей
 Свободной живостью своей.

XXIV.

Туть былъ однако цвѣтъ столицы,
 И знашь и моды образцы,
 Вездѣ встрѣчаемыя лица,
 Необходимые глупцы;
 Туть были дамы пожилыя
 Въ чепцахъ и въ розахъ, свиду злыя;
 Туть было нѣсколько дѣвиць,
 Не улыбающихся лицъ;
 Туть былъ посланникъ, говорившій

О государственныхъ дѣлахъ;
 Туть былъ въ душишыхъ сѣдинахъ
 Старикъ, посстарому шупившій,
 Ошмѣнно шонко и умно,
 Чшо нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Туть былъ на эпиграммы падкій,
 На все сердишый господинъ:
 На чай хозяйскій слишкомъ сладкій,
 На плоскость дамъ, на шонъ мушинъ,
 На полки про романъ шуманный,
 На вензель двумъ сесприцамъ данный,
 На ложъ журналовъ, на войну,
 На снѣгъ и на свою жену.

XXVI.

Туть былъ***, заслужившій
Извѣстность низосью души,
Во всѣхъ альбомахъ пришупившій,
St P**, швои карандаши;
Въ дверяхъ другой дикпашоръ бальной
Стоялъ каршинкою журнальной,
Румянь какъ вербный херувимъ,
Запянушь, нѣмъ и недвижимъ,
И пушешешвенникъ залѣтной,
Перекрахмаленный нахаль,
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ

Своей осанкою заботной,
 И молча обмѣненный взоръ
 Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлой
 Ташьяной занялъ былъ одной,
 Не этой дѣвочкой несмѣлой,
 Влюбленной, бѣдной и проспой,
 Но равнодушною Княгиней,
 Но неприступною богиней
 Роскошной царственной Невы.
 О люди! всѣ похожи вы
 На прародительницу Эву:
 Чпо вамъ дано, шо не влечеть;
 Васъ непрестанно змій зоветь
 Къ себѣ, къ шаиншвенному древу:

Запрешный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Ташьяна!
Какъ швердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣшительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кшобъ смѣль искашь дѣвчонки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ заль?
И онъ ей сердце волноваль!
Объ немъ она во мракѣ ночи,
Пока Морфей не прилетишь,
Бывало, дѣвственна грустишь,
Къ лунѣ подъемлешь томны очи,
Мечшая съ нимъ когда нибудь
Свершишь смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣмъ возрастѣ покорны;
 Но юнымъ дѣвственнымъ сердцамъ
 Ея порывы благошворны,
 Какъ бури вѣснїя полямъ:
 Въ дождь спрасшей они свѣжьютъ,
 И обновляюся, и зрѣють —
 И жизнь могущая даётъ
 И пышный цвѣтъ и сладкій плодъ.
 Но въ возрастѣ позднїй и безплодной,
 На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
 Печалень спрасши мершвой слѣтъ:
 Такъ бури осени холодной
 Въ болошо обращають лугъ
 И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгенийъ
 Въ Ташьяну какъ дїшя влюбленъ;

Въ поскѣ любовныхъ помышленій
 И день и ночь проводишь онъ.
 Ума не внемля спрогимъ пѣнямъ,
 Къ ея крыльцу, спекляннымъ сѣнямъ
 Онъ подъзжаетъ каждый день;
 За ней онъ гонится какъ тѣнь;
 Онъ щасливъ, если ей накинеть
 Боа пушистый на плечо,
 Или коснется горячо
 Ея руки, или раздвинетъ
 Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
 Или плашокъ подыметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
 Какъ онъ ни бейся, хошь умри.
 Свободно дома принимаетъ,

Въ гостяхъ съ нимъ молвишь слова при,
 Порой однимъ поклономъ встрѣпишь,
 Порою вовсе не замѣпишь:

Кокешства въ ней ни капли нѣтъ —

Его не шерпишь высшій свѣтъ.

Блѣднѣтъ Онѣгинъ начинаетъ:

Ей иль не видно, иль не жаль;

Онѣгинъ сохнешь, и едва ль

Ужь не чахошкой страдаешь.

Всѣ шлюшь Онѣгина къ врачамъ,

Тѣ хоромъ шлюшь его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заранѣ

Писать ко прадѣдамъ гоповъ

О скорой встрѣчѣ; а Татьяна

И дѣла нѣтъ (ихъ полъ шаковъ);

А онъ упрямъ, опспать не хочешь,
 Еще надѣешься, хлопчешь;
 Смѣлѣй здороваго, больной
 Княгинѣ слабою рукой
 Онъ пишешь спрашное посланье.
 Хопъ полку мало вообще
 Онъ въ письмахъ видѣль невопще;
 Но знашь сердечное спраданье
 Уже пришло ему не въ мочь.
 Вопъ вамъ письмо его почъ въ почъ.

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

Предвижу все: васъ оскорбишь
 Печальной шайны объясненье.
 Какое горькое презрѣнье
 Вашъ гордый взглядъ изобразить!
 Чего хочу? съ какою цѣлью
 Открою душу вамъ свою?

Какому злобному веселью,
Быть можешь, поводь подаю!

Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣришь не посмѣлъ:

Привычкѣ милой не даль ходу;

Свою посылаю свободу

Я поперяшь не захопѣлъ.

Еще одно насъ разлучило.....

Нещастной жертвой Ленскій палъ...

Опо всего, что сердцу мило,

Тогда я сердце ошорвалъ;

Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,

Я думалъ: вольность и покой

Замѣна щастью. Боже мой!

Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

Нѣтъ, поминушно видѣшь васъ,

Повсюду слѣдовашь за вами,

Улыбку усть, движенье глазъ
Ловишь влюбленными глазами,
Внимаешь вамъ долго, понимаешь
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замираешь,
Блѣднѣшь и гаснуешь... вошь блаженство!

И я лишень того: для васъ
Тащусь повсюду наудачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ пращу
Судьбой опщипанные дни.
И такъ ужь шягосшны они.
Я знаю: вѣкъ ужь мой измѣрень;
Но чшобъ продлилась жизнь моя,
Я упроть долженъ бышь увѣрень,
Чшо съ вами днемъ увижусь я...

Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидишь вашъ суровый взоръ

Защѣ хитрости презрѣнной —
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томишься жаждою любви,
Пылаешь — и разумомъ всечасно
Смиряешь волненіе въ крови;
Желаешь обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пѣни,
Все, все, что выразишь бы могъ,
А между тѣмъ пришворнымъ хладомъ
Вооружаешь и рѣчь и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣшь на васъ веселымъ взглядомъ!..

Но такъ и бышь: я самъ себѣ
Противишься не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.

XXXIII.

Опѣша нѣшь. Онъ вновь посланье :
 Вспорому, прешьему письму
 Опѣша нѣшь. Въ одно собранье
 Онъ ѣдешъ; лишь вошелъ... ему
 Она на встрѣчу. Какъ сурова!
 Его не видяшь, съ нимъ ни слова;
 У! какъ теперь окружена
 Крещенскимъ холодомъ она!
 Какъ удержишь негодованье
 Уста упрямыя хошашь!
 Впериль Онѣгинъ зоркій взглядъ:
 Гдѣ, гдѣ смятенье, соспрананье?
 Гдѣ пашна слезъ?... Ихъ нѣшь, ихъ нѣшь!
 На семь лицъ лишь гнѣва слѣдь...

XXXIV.

Да можешъ бышь, боязни тайной,
 Чшобъ мужъ иль свѣшь не угадалъ

Проказы, слабости случайной.....
 Всего, что мой Онѣгинъ зналъ.....
 Надежды нѣтъ! Онъ увѣжаетъ,
 Свое безумство проклинаятъ —
 И, въ немъ глубоко погружёнъ,
 Опъ свѣша вновь отречеся онъ.
 И въ молчаливомъ кабинетѣ
 Ему припомнилась пора,
 Когда жестокая хандра
 За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
 Поймала, за воротъ взяла
 И въ темный уголь заперла.

XXXV.

Спаль вновь читать онъ безъ разбора.
 Прочель онъ Гиббона, Руссо,
 Манзони, Гердера, Шамфора,

Madame de Stael, Биша, Тиссо,
 Прочель скепшическаго Бея,
 Прочель шворенья Фоншенеля,
 Прочель изъ нашихъ кой-кого,
 Не опвергая ничего :

И альманахи, и журналы,
 Гдѣ поученья намъ швердяшъ,
 Гдѣ нынче шакъ меня браняшъ,
 А гдѣ шакіе мадригалы
 Себѣ встрѣчалъ я иногда,
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И чпожь? Глаза его чишали,
 Но мысли были далеко;
 Мечшы, желанія, печали
 Тѣснились въ душу глубоко.
 Онъ межъ печашными спроками

Чисаль духовными глазами
 Другія спроки. Въ нихъ-то онъ
 Быль совершенно углублѣнь.
 То были шайныя преданья
 Сердечной, темной старины,
 Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
 Угрозы, шолки, предсказанья,
 Иль длинной сказки вздоръ живой,
 Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И поспешенно въ усыпленье
 И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
 А передъ нимъ Воображенье
 Свой пестрый мечешъ фараонъ.
 То видишь онъ: на шаломъ снѣгъ,
 Какъ будто спящій на нощлегъ,
 Недвижимъ юноша лежишь,

И слышишь голосъ: чпожь? убишь.
 То видишь онъ враговъ забвенныхъ,
 Клевешниковъ, и прусовъ злыхъ,
 И рой измѣнницъ молодыхъ,
 И кругъ поварищей презрѣнныхъ,
 То сельскій домъ — и у окна
 Сидишь она... и все она!...

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ шеряться въ эшомъ,
 Чпо чупь съ ума не сворошилъ,
 Или не сдѣлался поэшомъ.
 Признайся: по-шобъ одолжилъ!
 А почно: силой магнепизма
 Спиховъ Россійскихъ механизма
 Едва въ шо время не поспигъ
 Мой безполковой ученикъ.

Какъ походилъ онъ на поэта,
 Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
 И передъ нимъ пылалъ каминь,
 И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
 Иль *Idol mio*, и ронялъ
 Въ огонь по шуфлю, по журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухъ нагрѣпомъ
 Ужь разрѣшалася зима;
 И онъ не сдѣлался поэтомъ,
 Не умеръ, не сошелъ съ ума.
 Весна живишь его: впервые
 Свои покои запершыя,
 Гдѣ зимоваль онъ какъ сурокъ,
 Двойныя окна, камелекъ
 Онъ яснымъ упрямъ оставляетъ,

Несется вдоль Невы въ саняхъ.
 На синихъ изсѣченныхъ льдахъ
 Играешь солнце; грязно паешь
 На улицахъ разрышый снѣгъ.
 Куда по немъ свой быспрый бѣгъ

XL.

Спремишь Онѣгинь? Вы заранѣ
 Ужь угадали; почно такъ:
 Примчался къ ней, къ своей Тапьянѣ
 Мой неисправленный чудакъ.
 Идешь, на мертвеца похожій.
 Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
 Онъ въ залу; дальше: никого.
 Дверь отворилъ онъ. Чпожь его
 Съ такою силой поражаетъ?
 Княгиня передъ нимъ, одна,
 Сидишь, неубрана, блѣдна,

Письмо какое-то чипаетъ
 И шихо слезы льешь рѣкой,
 Опершись на руку щекой.

XLI.

О, ктобъ нѣмыхъ ея страданій
 Въ сей быспрый мигъ не прочиталъ!
 Кто прежней Тани, бѣдной Тани
 Теперь въ Княгинѣ бѣ не узналъ!
 Въ поскѣ безумныхъ сожалѣній
 Къ ея ногамъ упалъ Евгенийъ;
 Она вздрогнула, и молчишь;
 И на Онѣгина глядишь
 Безъ удивленія, безъ гнѣва...
 Его больной, угасшій взоръ,
 Молящій видъ, нѣмой укоръ,
 Ей вняшно все. Простая дѣва,

Съ мечпами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять воскресла въ ней.

XLII.

Она его не подымаетъ,
И не сводя съ него очей
Ошь жадныхъ устъ не опываетъ
Безчувственной руки своей...
О чемъ теперь ея мечпанье?...
Проходитъ долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:
Довольно; вспаньте. Я должна
Вамъ объясниться опкровенно.
Онъгинь, помните ль тошь часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судба свела, и шакъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сего дня очередь моя.

XLIII.

Онѣгинь, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что-же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиреной дѣвочки любовь?
И нынче — Боже! — слынешь кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ ночь страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV.

Тогда — не правда ли? — въ пустынь,
Вдали отъ суешной Молвы,

Я вамъ не нравилась... Чпожь нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
Не попомуль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являясь я должна,
Что я богата и знашна,
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ,
Что милосивъ за шо къ намъ Дворъ?
Не попомуль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ общесвѣтъ принесть
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,

Холодный, строгій разговоръ,
 Когда бъ въ моей лишь было власти,
 Я предпочла бъ обидной спраски
 И эшимъ письмамъ и слезамъ.
 Къ моимъ младенческимъ мечшамъ
 Тогда имѣли вы копь жалоспъ,
 Хошъ уваженіе къ лѣшамъ...
 А нынче! — чшо къ моимъ ногамъ
 Васъ привело? какая малоспъ!
 Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
 Бышъ чувсшва мелкаго рабомъ?

XLVI.

А мнѣ, Онегинъ, пышноспъ эша
 Поспылой жизни мишура;
 Мои успѣхи въ вихрѣ свѣша,
 Мой модный домъ и вечера,

Что въ нихъ? Сейчасъ опдашь я рада
 Всю эту вешошь маскарада,
 Весь эшошь блескъ, и шумъ, и чадь
 За полку книгъ, за дикій садъ,
 За наше бѣдное жилище,
 За тѣ мѣша, гдѣ въ первый разъ,
 Онѣгинь, видѣла я васъ,
 Да за смиренное кладбище,
 Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣшвей
 Надъ бѣдной нянею моей...

XLVII.

А щаспье было шакъ возможно,
 Такъ близко!... Но судьба мол
 Ужь рѣшена. Неосторожно,
 Бышь можешъ, поступила я:
 Меня съ слезами заклинаній

Молила мать; для бѣдной Тани
 Всѣ были жребіи равны...
 Я вышла замужъ. Вы должны,
 Я васъ прошу меня оставить;
 Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есць
 И гордость и прямая честь.
 Я васъ люблю (къ чему лукавись?),
 Но я другому отдана;
 Я буду вѣкъ ему вѣрна.

XLVIII.

Она ушла. Стоишь Евгенийъ,
 Какъ будшо громомъ пораженъ.
 Въ какую бурю ощущеній
 Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
 Но шпоръ незапный звонъ раздался,
 И мужъ Ташьянинъ показался,

И здѣсь героя моего ,
 Въ минушу злую для него ,
 Чипашель, мы шеперь оставимъ ,
 Надолго... навсегда. За нимъ
 Довольно мы пушемъ однимъ
 Бродили по свѣшу. Поздравимъ
 Другъ друга съ берегомъ. Ура!
 Давнобъ (не правда ли?) пора!

XLIX.

Ктобъ ни былъ шы, о мой чипашель,
 Другъ, недругъ, я хочу съ шобой
 Разспашся нынче какъ пріятель.
 Проси. Чего бы шы за мной
 Здѣсь ни искалъ въ спрофахъ небрежныхъ,
 Воспоминаній ли мяшежныхъ,
 Ошдохновенья ль ошъ шрудовъ,

Живыхъ картинь, иль оспрыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чшобъ въ этой книжкѣ пы
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ ошибокъ,
Хотя крупицу могъ найши.
За симъ разстанемся, просни.

Проснижь и пы, мой спунникъ спранный,
И пы, мой вѣрный идеаль,
И пы, живой и поешоянный,
Хощь малый прудъ. Я съ вами зналь
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней.

Съ тѣхъ поръ, какъ юная Ташьяна
 И съ ней Онѣгинь въ смущномъ снѣ
 Явились впервые мнѣ—
 И даль свободнаго романа
 Я сквозь магическій кристалъ
 Еще не ясно различалъ.

LI.

Но тѣ, кошорымъ въ дружной встрѣчѣ
 Я строфы первыя чишалъ...
 Иныхъ ужъ нѣшь, а тѣ далече,
 Какъ Сади нѣкогда сказаль.
 Безъ нихъ Онѣгинь дорисованъ.
 А та, съ кошорой образованъ
 Ташьяны милый идеаль...
 О много, много рокъ опьяль!
 Блажень, кто праздникъ жизни рано

Оставиль, не допивъ до дна
Бокала полного вина,
Кшо не дочель ея романа
И вдругъ умбль разспашься съ нимъ,
Какъ я съ Онбгинымъ моимъ.

Конецъ осьмой и послѣдней Главы.

[45 P]

11

7191913

К 1911 С

Продается въ С. Петербургъ,
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
пяти рублей за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 80 копѣекъ.